

ВИЗУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА И КОНФЛИКТЫ В КОНТЕКСТЕ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ¹

Сазантович Алексей Борисович, кандидат политических наук

Кубанский государственный университет

Российская Федерация, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

E-mail: vertgalant@mail.ru

Предпринята попытка вскрыть комплекс взаимосвязей, формирующихся конфликтом и визуальным пространством города как средой протекания конфликтного противодействия. Как отражается на городском пространстве конфликт, и какое влияние оказывает городское пространство на протекание и завершение конфликта в условиях современной визуальной культуры? По итогам проделанной работы сделан ряд выводов, которые могут оказаться полезными в дальнейших исследованиях визуальных проявлений городских конфликтов. Визуальное городское пространство, воспринимаемое как особый вид текста, может стать источником конфликтных противодействий по поводу содержания данного текста между множеством субъектов, претендующих на его создание. С другой стороны, городской конфликт неизбежно оставляет физические следы в визуальном пространстве города. Некоторые из них будут утеряны, а другие со временем обретут социокультурное значение и будут интегрированы в визуальный текст города. На сегодняшний день в условиях развития средств массовых коммуникаций, новых видов и стилей искусства и т.п. создаются возможности многоуровневой организации написания городского текста. Это существенно снижает противоречия между его «творцами», результаты деятельности которых существуют теперь фактически в разных плоскостях и интегрируются в так или иначе единый визуальный текст города.

Ключевые слова: визуальная культура, визуальность, визуальное городское пространство, городской текст, городской конфликт

THE VISUAL SPACE OF THE CITY AND CONFLICTS IN THE CONTEXT OF VISUAL CULTURE: MODERN UNDERSTANDING

Sazantovich Alexey B., Ph.D. (Policy)

Kuban State University

149 Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russian Federation

E-mail: vertgalant@mail.ru

This article explores the visual aspect of the conflicts emerging within the urban space. How does the visual urban space, regarded as a context, influence conflicts? The author takes an attempt to discover the complex interdependencies occurring between the visual urban space and the conflict itself when any confrontation happens all that defined by the modern visual culture. The research conducted results in some conclusions that appear to be important for the further studies in the field visual aspects of the city conflicts. The visual urban space stated as a specific urban text represents a bilateral connection to a conflict. First of all it can initiate a dispute among the authors of a text multiple and differentiated as well. On the other side urban conflicts inevitably leave their trace through the visual urban space. Some of them are infinitesimal and other ones obtain the cultural significance and become the part of the urban text. The modern conditions provide multiple levels of urban text creation and therefore the conflict between so called writers tends to fade out.

Keywords: visual culture, visuality, visual urban space, urban text, urban conflicts

Зарубежные и современные исследователи уже в течение длительного времени констатируют откат современной социологии, антропологии и культурологии от традиционной онтологической необходимости различать сущее как таковое и его внешнее явление [1, с. 10]. Безусловно, действующий субъект и разнообразные формы эмпирической регистрации его деятельности не могут быть отождествлены. Тем сильнее это утверждение было в рамках вербальной эпохи развития культуры. Однако мир-текст сменяется миром-картиной, и значение визуальных ощущений в жизни человека многократно возрастает [18, с. 7]. Это, в свою очередь, становится первой причиной того, что соотношение рассматриваемых понятий и их денотатов в эпоху расцвета визуальной культуры значительно трансформировалось. С этого времени в категориальном аппарате общественных наук прочно закрепляется понятие «Визуальный поворот», обозначающее актуальные тенденции социальных исследований [16,

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-03-00402 «Политическое управление городскими конфликтами в РФ: акторы, стратегии, институциональные основания». (The article was prepared with the financial support of the RFNF, project No. 16-03-00402 "Political management of urban conflicts in the Russian Federation: actors, strategies, institutional bases".)

с. 136–161]. Большое значение в общении как передаче смыслов приобретают образы, поскольку они способны передавать информацию, знания, эмоции, эстетические ощущения и ценности и воздействовать не только на сознание, но и на подсознание [15, с. 6].

Размышляя о городском пространстве в контексте заданной в этой статье проблематики, мы неизбежно должны разрешить обозначенную выше дилемму соотношения, а, главное, разграничения существующей реальности и форм ее эмпирической регистрации. Решение этой задачи необходимо осуществлять, учитывая масштаб всего семантического поля категории «городское пространство». В современной научной литературе достаточно развита тенденция многоаспектности и междисциплинарности в изучении городского пространства. Об этом свидетельствует существующая на сегодняшний день сложная терминология, позволяющая представить городское пространство как культурное, коммуникативное, досуговое, образовательное, визуальное, потерянное и т.п. Такой широкий диапазон восприятия учеными городского пространства отражает сложность изучаемого феномена, многообразие его проявлений в жизни человека и общества. Неизбежно оно становится и средой для конфликтных коммуникаций. Непосредственно для данной работы видится важным определить набор и границы характеристик, которые будут определять визуальную составляющую городского пространства как среду, в которой разворачиваются всевозможные конфликтные взаимодействия. Именно такой подход позволит охарактеризовать закономерности и выявить факторы взаимного влияния среды и коммуникативных взаимодействий в контексте визуальной культуры, ограниченного параметрами визуальности и города.

Понимание города как сложного феномена, имеющего коммуникативно-семиотическую природу, создает предпосылки для его изучения в качестве коммуникативной среды. В этом смысле, город может быть представлен как особое знаковое пространство, семиотика которого отражает бытие человека и его культурно-коммуникативную активность. Актуальность феномена визуального пространства города регистрируется и в практике повседневной жизни. На это указывает, например, тиражирование его элементов в изобразительном и декоративно-прикладном искусстве, в частности на открытках и почтовых марках [17, с. 105–106]. Ряд исследователей указывает на существование в городском пространстве особых визуальных дискурсивных маркеров, которые определяют не только восприятие, но и взаимодействие субъекта и среды [14, с. 52]. Они, с одной стороны, характеризуются отсутствием конкретного денотата и не могут закладывать четких физических границ городского пространства. Однако, при этом, они могут быть использованы как идентификационные признаки пространства городской среды. В рамках этого подхода может быть сформировано обоснование изучения городского пространства как среды для конфликтных коммуникаций в разрезе визуального измерения. В семиотическом поле городского пространства фиксируются и в дальнейшем могут быть проанализированы сложные отношения взаимовлияния и взаимного определения человека как социокультурного субъекта и города как особого многоуровневого организма [2, с. 10]. Таким образом, визуальное пространство города как особая семиотическая система выступает, помимо иных проявлений, носителем информации, на котором фиксируется в соответствующей форме все многообразие взаимодействий, разворачивающихся в городе. «Оттиск» на этом носителе оставляет, прежде всего, социокультурная составляющая любого взаимодействия. Безусловно, визуальное пространство в конечном итоге существует физически и оформлено физическими формами архитектуры и иных объектов, механическое воздействие на которые также может оставить осязаемый след. Однако семиотикой города, которая представляет собой прежде всего знаковое пространство, фиксируются только следы физического взаимодействия, которые изначально имеют или же обретают в течение какого-то временного промежутка культурологическое значение, поскольку культурные коммуникации неизбежно транслируют культурные смыслы. Своеобразной квинтэссенцией семиотического подхода к изучению городского пространства становится исследовательская позиция, рассматривающая город как текст, организованный с помощью визуальных знаковых систем и подсистем. Например, Т. В. Кашкабаш, исходя из тезиса о возрастании значения таких характеристик современного общества как «видимость» и «внешняя оснащенность», предлагает рассматривать пространственную среду города в качестве визуального текста [4, с. 38]. Такой текст понимается как своего рода информационная система, составляющие части которой, соответственно, должны восприниматься как целое. Она объективно представлена в предметной реальности и зри-

тельно воспринимается и интерпретируется окружающими, а чтение городского текста происходит в процессе движения в пространстве города. Таким образом, обосновывается возможность применения к изучению городского пространства семиотического подхода.

Само чтение текста можно рассматривать как повседневную практику освоения и присвоения окружающего пространства, результатом которого становится как чувственное знание индивида о реальности, так и непрерывное формирование нового текста о городе в процессе взаимодействия с ним [4, с. 39]. Тогда городской обитатель в широком понимании – это не только читатель-фланер, потребляющий текст [12, с. 32], но и его интерпретатор, и даже создатель данного текста.

Здесь немедленно возникает вопрос, связанный с полисубъектностью «творца» городского текста. Поскольку городская среда существует длительное время, «пропуская» через себя исторические события и целые эпохи, то она в конечном итоге представляет собой не просто коммуникативную среду, а наслоение или даже напластование сообщений. В итоге, это совокупность текстов и совокупность языков, на которых они написаны и для адекватного понимания которых требуются разные коды [13, с. 156]. К тому же, это противоречие имеет как минимум два измерения. Во-первых, наслоение хронологическое, возникающее естественным путем в рамках протекания исторического процесса, в котором сменяются тенденции развития общества и его культуры, стили в искусстве, мода, правящие элиты. Соответственно, чем старше город и длиннее и насыщеннее его исторический путь, тем более объемлен его символический «багаж». Немаловажное значение в процессе накопления семиотического поля городского пространства в этой ситуации имеет степень включенности конкретного города в общие социокультурные изменения. Иными словами, для того, чтобы происходило накопление смыслов, фиксируемых визуальным городским пространством, город должен находиться в гуще культурных и политических событий, являться действительной точкой активности, местом принятия важных решений и проведения основных действий [11, с. 14]. Приоритетом в этом смысле обладают мировые столицы, аккумулирующие в своих границах общественно значимые перемены. Во-вторых, это собственно множественность субъектов, оказывающих то или иное влияние на формирование городского текста на сегодняшний день, в текущую эпоху или же в любой точке истории.

Упомянутый ранее обезличенный городской обитатель даже на теоретическом уровне неизбежно обретает множество лиц. И это является такой же объективной данностью как наличие социальной стратификации, правящего класса, возможно, крайне неоднородного, контр-элит, а также управляемых – группы сколь многочисленной, столь и дифференцированной. Более того, перечисленные факторы как раз и обуславливают многоликость названного обитателя, притом, что каждая личина обладает не только определенным видением «текста», но и собственным набором ресурсов, помогающих это видение реализовать. Более того, каждому субъекту может быть присуща еще и собственная кодовая система – язык, на котором текст будет формироваться. Возможно, плюрализм культурных позиций в какой-то степени может быть компенсирован неравенством ресурсов. Поэтому можно предположить, что только уникальный по своему объему и содержанию багаж ресурсов даст возможность преодолеть контркультуры (тем самым, установив собственную в качестве основной) и производить такие изменения на носителе городского пространства, которые способны будут обрести социокультурное значение. В этом смысле, например, правящая элита способна взять под свой контроль как физическое, так и культурное наполнение визуального городского пространства [9, с. 212]. И в данном случае она действительно будет выступать именно как интерпретатор и даже автор городского текста. С другой стороны, эта посылка – лишь частное решение, поскольку на практике не исключена постоянная конкуренция элит, выражающая многосоставность большинства обществ.

Кроме того, точки смены политических элит в данной ситуации могут рассматриваться как маркеры «наслоения» городских текстов. Если исходить из того, что каждая новая правящая элита коренным образом меняет политический курс, то вполне обоснованным будет предполагать значительные изменения во всех сферах общественной жизни. Как следствие – новые «главы» в визуальном городском тексте. При этом, чем сильнее изменяется вектор политики последующей правящей элиты, тем более конфликтной была смена элит. Конфликты же, как

правило, отражают противоречия, накопившиеся в обществе, вскрывая поляризацию общественных сил и четче очерчивая границы внутри социальной структуры. Они стимулируют социальную активность как групп, непосредственно вовлеченных в конфликт, так и остальных элементов социальной структуры общества. Таким образом, конфликт как социальное явление, протекая в рамках городского пространства и обретая визуальные характеристики в рамках визуального пространства города, оказывает при этом существенное влияние на так называемый визуальный текст города. Влияние это проявляется, прежде всего, в том, что конфликт, стимулируя активность социальных групп и слоев, усугубляет проблему множественности субъектов, влияющих на процесс писания городского текста, а также векторов их интересов относительно содержания текста и его формы, в том числе – знаковой системы.

Характерно, что и само по себе взаимодействие субъектов по поводу написания городского текста может рассматриваться как источник конфликтных противодействий. Эта взаимосвязь легко открывается при обращении к распространенным в современной отечественной науке трактовкам городских конфликтов. Например, если исходить из понимания городского конфликта как негативной реакции одного из городских сообществ на градостроительные действия другого [10, с. 28], то корреляция с рассматриваемой концепцией городского текста и множественности создающих его субъектов становится очевидной. В данном случае достаточно подставить на место «переменных» *городское сообщество* и *градостроительные действия* конкретные значения текста и претендентов на его создание. В еще одной распространенной трактовке городской конфликт выступает как «проявленное противостояние интересов ... между городом и властью, воплощающей проекты изменения городской среды» [3]. В этом определении также достаточно четко прослеживаются более общие категории, которые включают городской текст и его создателей и могут быть подменены ими.

Несмотря на то, что в рассматриваемых трактовках городского конфликта обнаруживаются определенные изъяны [6, с. 234–252], например, в части определения сообществ и границ градостроительных действий, потребностям исследования данной проблематики они адекватны.

В обоих случаях авторы закладывают в свои определения обязательное проявление или выражение упомянутой негативной реакции или противостояния интересов. Относительно целостного проявления городского конфликта это выражение будет иметь и визуальную составляющую. Однако, в рассматриваемом случае отношения по поводу визуальных компонентов городского пространства, наоборот, становятся источником конфликтного противодействия. Таким образом, в ряде случаев визуальное пространство города, рассматриваемое как городской текст, становится источником конфликта и его предметом. Конфликт, в свою очередь, может оставить свой след в визуальном пространстве, который впоследствии будет интегрирован в городской текст. Таким образом, взаимодействие в плоскости визуальное пространство города – конфликт получает циклический характер, где цикл обуславливается наличием обратного воздействия.

Далее, определяется еще один аспект рассматриваемой проблематики, который позволяет увидеть конфликтные взаимодействия в городской среде с нового ракурса. В рамках предложенного подхода открывается некая диалектика в восприятии развития взаимодействия городского пространства как носителя культурной информации и городского обитателя как субъекта, оказывающего определяющее влияние на создание «текста» города. Обнаруженное противоречие носит в большей степени диалектический характер. С одной стороны, выступает позиция, рассматривающая городское пространство как своего рода носитель информации, на котором могут фиксироваться и фиксируются разнообразные проявления активности человека. При этом семиотический подход предполагает рассматривать городское пространство как текст истории или текст социокультурного диалога. Значит, содержание текста – это совокупность исторических (социально-значимых) событий, которые находят свое внешнее выражение в материальных объектах – предметно-территориальных комплексах [7, с. 57]. Тогда, закрепиться и получить действительную фиксацию на этом носителе могут лишь следы, которые обрели культурную составляющую, стали частью культуры. И если в данном ключе пытаться представить городское пространство в качестве среды для взаимодействий (коммуникаций), в первую очередь, визуальных, то коммуникации эти должны нести в себе

смыслы культурные, а не бытовые. А, значит, по отношению к отдельному человеку, группе людей, а иногда и поколению они будут носить объективный характер. Масштаб этот будет определяться, прежде всего, количеством времени, которое потребуется на то, чтобы тот или иной «оттиск» приобрел символическое значение, стал знаком культуры. Эта посылка вступает в противоречие с ранее высказанной идеей о том, что город – это текст, организованный особыми знаковыми системами, а городской обитатель – это субъект, который способен и вправе этот текст интерпретировать, читать и даже создавать. Такой текст, как элемент культуры, несомненно, артефакт, не может быть изменен сознанием и волей отдельно взятого человека, элемента массы. Это невозможно хотя бы до тех пор, пока внесенное им изменение не пройдет проверку временем и не обретет некоего культурно-символического значения. Идея редакторской правки к такому пониманию текста, конечно, неприменима.

Тем не менее, современные исследователи в большей степени склонны видеть возможности сочетания этих противоречивых тенденций в развитии отношений между пространством города и его обитателями. Например, Р.Ю. Порозов, характеризует такую возможность как попытку города писать свою биографию и «укладывает» ее в визуальные практики современного города в форме граффити. Его понимание визуальных практик как чувственной предметной деятельности субъекта, воздействующей на систему социальных и культурных отношений при помощи визуальных кодов [8, с. 34], обосновывает рассмотрение граффити в качестве культурно значимых коммуникаций. С другой стороны, граффити, охарактеризованное как современный вид искусства, очевидно, не обладает традиционными признаками элитарной культуры, и потому доступность этого вида искусства значительно выше, нежели его традиционных видов. Таким образом, в этой концепции идея значимости культурологического веса «оттиска» для фиксации городским пространством достаточно легко совмещается с субъективностью текста города, писать и править который может индивид или группа практически в режиме реального времени.

Более того, рассматриваемая позиция содержит в себе достаточно работоспособную версию ответа на вопрос о полисубъектности «творца» городского текста, коль скоро этот процесс признается субъективным. В современных условиях эти так называемые творцы текста реализуют данную функцию на разных уровнях визуального пространства города. При этом, использование разных средств и инструментов, даже знаковых систем – продиктовано спецификой выбранного уровня коммуникации. Для удобства понимания визуальное пространство города как носитель, на котором фиксируются следы социальной активности человека, можно представить как множество носителей информации, каждый из которых будет обладать своей спецификой и даже измерениями [9, с. 213]. Тогда при соблюдении этого условия визуальная артикуляция контркультурных практик уже не элиминируется из культурного пространства города [8, с. 34]. При этом контркультурные практики нужно воспринимать как не принадлежащие к основной культуре, обозначенной таковой субъектом, обладающим уникальным набором ресурсов (правлящим классом, элитой и т.п.). В этом смысле, множество субъектов, которые участвуют или хотя бы участвовать в создании текста города, как бы распределяются между уровнями визуального городского пространства и создают текст каждый на «своем» месте. Впоследствии, части текста складываются в целостную семиотическую систему городского пространства. При организованной таким образом системе визуальной коммуникации в рамках города конфликт внутри множества городских обитателей по поводу интерпретации и создания так называемого текста города, наоборот, снимается. Само противоречие при этом не исчерпывается, но существующие на разных уровнях субъекты создают определенную согласительную систему, в рамках которой за каждым остается определенное «авторское» право на ту или иную часть городского текста.

Рассмотренные в данной статье особенности городского визуального пространства позволило сделать следующие выводы.

Существует сложная система взаимосвязей между визуальным городским пространством, определяемым как среда, и протекающими в его пределах конфликтными противодействиями. Конфликты, имеющие физическое проявление, оставляют, как правило, в визуальном городском пространстве осязаемые следы. Если такие «оттиски» несут в себе социокультурные смыслы или обретают их впоследствии, они интегрируются в визуальное пространство города, становятся частью городского текста.

С другой стороны, визуальное городское пространство, понимаемое как особый вид текста (знаковой системы), может служить источником конфликтных противодействий. Это обусловливается тем, что взаимоотношения множества создателей городского текста по поводу его содержания, используемых знаковых систем и т.п. в силу разнонаправленности векторов их интересов носят противоречивый характер. Эти противоречия находят свое выражение в городских конфликтах.

Инициация городских конфликтов отношениями по поводу текста города и их визуализация с последующей интеграцией в визуальное пространство города составляет определенную последовательность, которая носит циклический характер. Отношениями в визуальном пространстве провоцируется городской конфликт в полном его понимании и во всех его проявлениях, впоследствии оставляющий в той или иной форме визуальный «оттиск», который, в свою очередь, может стать частью городского текста.

В нынешних условиях под влиянием современных тенденций развития средств массовой коммуникации, видов искусства, моды и т.п. формируются факторы снижения интенсивности противоречий, вызванных отношениями по поводу содержания городского текста. Субъекты – создатели текста дифференцируются в соответствии со своими ресурсами и используемым инструментарием и в дальнейшем осуществляют создание городского текста на разных уровнях, благодаря чему городской текст формируется как согласительная система.

Список литературы

1. Аванесов, С. С. Быть человеком и быть видимым. Ближайшие задачи изучения визуальных параметров человеческого существования / С. С. Аванесов // Праксема. – 2015. – № 4 (6). – С. 118–130.
2. Аванесов, С. С. Визуальная семиотика города: перспектива исследования городских текстов / С. С. Аванесов // Праксема. – 2016. – № 4 (10). – С. 9–22.
3. Верхоглазенко, В. Н. Роль методолога в разрешении градостроительного конфликта / В. Н. Верхоглазенко. – Режим доступа: www.astegroup.ru/node/264, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Кашкабаш, Т. В. Городское визуальное коммуникативное пространство как фактор социальной интеграции (на примере г. Москвы) / Т. В. Кашкабаш. – Москва, 2014. – 157 с.
5. Кольба, А. И. К проблеме определения понятия «городской конфликт» / А. И. Кольба // Политические коммуникации и публичная политика: концепции, методы, сравнение опыта. – Краснодар : Вика-Принт, 2016. – С. 97–100.
6. Кольба, А. И. Городской конфликт, проблемы дефиниции, типологизации и управления / А. И. Кольба, А. В. Соколов // Конфликтология. – 2016. – № 4. – С. 234–252.
7. Пирогов, С. В. Социология города / С. В. Пирогов. – Томск, 2003. – 148 с.
8. Порозов, Р. Ю. Визуальные практики в современном городе / Р. Ю. Порозов // Человек и культура. – 2012. – № 3. – С. 33–36.
9. Сазантович, А. Б. Визуальное пространство города как среда конфликтных коммуникаций / А. Б. Сазантович // Политические коммуникации и публичная политика: концепции, методы, сравнение опыта. – Краснодар : Вика-Принт. 2016. – С. 211–214.
10. Самарин, А. В. Городские конфликты: пространство решений / А. В. Самарин, А. В. Шадрин // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. – 2010. – № 2. – С. 27–32.
11. Сертакова, Е. А. Социокультурное пространство современного российского города (на материале анализа г. Красноярск) / Е. А. Сертакова. – Красноярск, 2014. – 172 с.
12. Симбирцева, Н. А. Интерпретация текста городского пространства: к вопросу о субъекте / Н. А. Симбирцева // Человек в мире культуры. – 2012. – № 3. – С. 28–32.
13. Трушина, Л. Е. Интерпретация визуальных текстов городского пространства / Л. Е. Трушина // Этическое и эстетическое: 40 лет спустя. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское филос. об-во, 2000. – С. 155–157.
14. Федоров, В. В. Городское пространство как система визуальных дискурсивных маркеров / В. В. Федоров, А. В. Левиков // Праксема. – 2015. – № 1 (3). – С. 51–55.
15. Штомпка, П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования / П. Штомпка ; пер. с польск. Н. В. Морозовой. – Москва : Логос, 2007. – 168 с.

References

1. Avanesov S. S. Byt chelovekom i byt vidimym. Blizhaysie zadachi izucheniya vizualnykh parametrov chelovecheskogo sushchestvovaniya [Humanity and Visibility: the Main Goals for Human's Life Visual Aspects Study]. *Praksema* [Praxema], 2015, no. 4 (6), pp. 118–130.
2. Avanesov S. S. Vizualnaya semiotika goroda: perspektiva issledovaniya gorodskikh tekstov [Visual Urban Semiotics: an Outlook to Urban Semiology]. *Praksema* [Praxema], 2016, no. 4 (10), pp. 9–22.
3. Verkhoglazenko V. N. *Rol metodologa v razreshenii gradostroitel'nogo konflikta* [Methodologist Role in Urban Development Conflict Solution]. Available at: www.acmegroup.ru/node/264.
4. Kashkabash T. V. *Gorodskoe vizualnoe kommunikativnoe prostranstvo kak faktor sotsialnoy integratsii (na primere g. Moskvy)* [Urban Visual Communication Space Impact on Social Consolidation (analyzing Moscow)]. Moscow, 2014, 157 p.
5. Kolba A. I. K probleme opredeleniya ponyatiya "gorodskoy konflikt" [Reflections on Definition of Urban Conflict]. *Politicheskie kommunikatsii i publichnaya politika: kontseptsii, metody, sravnenie opyta* [Political communications and public policy: concepts, methods, comparison of experience]. Krasnodar, Vika-Print Publ., 2016, pp. 97–100.
6. Kol'ba A. I., Sokolov A. V. Gorodskoy konflikt, problemy definitsii, tipologizatsii i upravleniya [Urban Conflict: Definitions, Typologies and Management]. *Konfliktologiya* [Conflictology], 2016, no. 4, pp. 234–252.
7. Pirogov S. V. *Sociologiya goroda* [Urban Sociology]. Tomsk, 2003, 148 p.
8. Porozov R. Ju. Vizual'nye praktiki v sovremennom gorode [Visual Practice in Modern City]. *Chelovek i kul'tura* [Human and Culture], 2012, no. 3, pp. 33–36.
9. Sazantovich A. B. Vizual'noe prostranstvo goroda kak sreda konfliktnykh kommunikatsiy [Conflicts within Visual Urban Space]. *Politicheskie kommunikatsii i publichnaya politika: koncepcii, metody, sravnenie opyta* [Political communications and public policy: concepts, methods, comparison of experience]. Krasnodar, Vika-Print Publ., 2016, pp. 211–214.
10. Samarin A. V. Gorodskie konflikty: prostranstvo reshenij [Urban Conflicts: Range of Solutions]. *Akademicheskij vestnik UralNIIProekt RAS* [Scientific Bulletin of Russian State Regional Research Institution of RAS], 2010, no. 2, pp. 27–32.
11. Sertakova E. A. *Sociokul'turnoe prostranstvo sovremennogo rossijskogo goroda (na materiale analiza g. Krasnojarska)* [Sociocultural Space of Modern Russian City (analyzing Krasnoyarsk)]. Krasnoyarsk, 2014, 172 p.
12. Simbirceva N. A. Interpretatsiya teksta gorodskogo prostranstva: k voprosu o subekte [Reflections on Agent of Urban Text Interpretive]. *Chelovek v mire kultury* [Human in the Worlds of Culture], 2012, no. 3, pp. 28–32.
13. Trushina L. E. Interpretatsiya vizual'nykh tekstov gorodskogo prostranstva [Urban Spase Visual Texts Interpretive]. *Jeticheskoe i jesteticheskoe: 40 let spustja* [Ethical and Aesthetic: 40 Years Later]. St. Petersburg, 2000, pp. 155–157.
14. Fedorov V. V., Levikov A. V. Gorodskoe prostranstvo kak sistema vizual'nykh diskursivnykh markerov [Urban Space as a Spatial Semiotic System]. *Praksema* [Praxema], 2015, no. 1 (3), pp. 51–55.
15. Shtompka P. *Vizual'naya sociologiya. Fotografija kak metod issledovaniya* [Visual Sociology: Photographs as a Research Method]. Moscow, Logos Publ., 2007, 168 p.
16. Bartmanskij D. Refashioning Sociological Imagination: Linguality, Visuality and the Iconic Turn in Cultural Sociology. *Chinese Journal of Sociology*. 2015, vol. 1 (1), pp. 136–161.
17. Coste M. Les Images de Communications des Villes [City Communications Images]. *Les Annales de la recherche urbaine* [The Annals of Urban Research]. 1989, no. 42, pp. 104–114.
18. Mirzoeff N. *An Introduction to Visual Culture*. London, Routledge, 1999, 274 p.